

ПРОЛОГ

Сначала следовало бы сказать вот о чем. Эта история мучила меня все то время, что я вырослел, и сколь-либо внятного объяснения ей не находилось. Я учился тогда в старших классах в школе, которая находилась у подножия горы. Ее корпус для занятий естественными науками притулился прямо у склона, но туда редко кто заглядывал.

И был у меня в то время закадычный друг из обеспеченной семьи: деньжата у него водились, но все равно он экономил на школьных обедах, чтобы хватало еще на сигареты и походы в бильярдный зал. Славный парень. Случалось, он одалживал мне на обед из своих карманных денег, а бывало и так, что один ланч мы делили на двоих. Короче, в большой перерыв мы часто сбегали в упомянутый корпус естествознания. Хотя его и труд-

но было так назвать — здание в три этажа. Непросто описать это словами, а нарисовать еще сложнее.

Ну так вот, это был трехэтажный корпус с двумя лестницами — слева и справа. И мы с другом часто съедали обед, сидя на корточках на лестничной площадке второго этажа. Покуривали, конечно, болтая обо всем подряд. В те годы, если ловили за курением в школе, могли сделать строгий выговор, поэтому приходилось осторожничать. Почему мы не могли спокойно поесть в классе? Да уж лучше сразу спросить, отчего в кабинет к директору не ходили обедать. Говорю же, надо было прятаться, чтобы покурить. Но главное, если спуститься по лестнице, то путь преграждала дверь, ведущая в коридор с классами. Она представляла собой железный занавес с электроприводом, но через него просматривались и сам коридор, и выходившие в него классы.

С первого на второй этаж лестница вела, как обычно, и вверх, и обратно вниз. Но вот подняться на третий этаж можно было только по лестнице в западном крыле, спуститься же пришлось бы по лестнице с восточной стороны здания, потому что с западной лестничный пролет наглухо перегораживала другая железная дверь. Я вообще плохо ориентируюсь в пространстве, иногда даже дорогу домой с трудом нахожу, чего уж говорить о том, чтобы разобраться, куда там можно подняться или спуститься.

И вот как-то раз мы покурили и решили сбегать за пивом, чтобы расслабиться по-взрослому. После одной банки у меня уже слегка поплыло перед глазами. Поня-

ПРОЛОГ

тия не имею, как мне это удалось, но я вдруг взял и открыл ту самую железную дверь в коридор на втором этаже. Может, просто перебрал, а может, всему виной мое неумение ориентироваться — короче, мы заблудились на втором этаже и, в какую бы сторону ни пошли, все равно не могли спуститься.

Мы ходили кругами с банками пива в руках. Особого страха не испытывали, потому что школа же, вроде все знакомое. Но, пока плутали, мой друг, который шарил в математике лучше меня, вдруг остановился, словно бы припомнив нечто, хмуро посмотрел и сказал:

— Ян Шу, ты заметил? Мы то поднимаемся, то спускаемся. Странное здесь творится.

— А чего странного? Ты просто выход найти не можешь, вот и бродим по кругу. Время обеда скоро закончится. Видать, нам снова придется в наказание драить туалеты.

С этими словами я глотнул еще пива из банки.

— Не кипятись, подумай сам: мы поднялись наверх, потом еще на этаж, а затем спустились на два пролета, значит, ходили по четвертому этажу?

— Но в этом здании всего три этажа — наверное, просто в подвале оказались?

— Нет, что-то тут не так. Ведь все время было светло, в подвал мы точно не спукались.

— Не-а, ты сам прикинь.

Он говорил совершенно серьезно, так что я даже чуть не протрезвел. Закурив, мы молча пошли прямо наверх. Выше был только один этаж, а затем крыша. Поднялись и тут же стали спускаться, чтобы наверняка сосчитать,

сколько же в здании этажей. Сколько их окажется при спуске, столько на самом деле и есть.

Третий этаж.

Второй.

Первый.

Что за хрень?! Еще один первый этаж.

Мы переглянулись, и в ту же секунду у обоих волосы встали дыбом. Пиво, сигареты, зажигалки — на всю эту запрещенку нам стало пофиг. Обнаружив знакомое пространство, мы рванули туда без оглядки. В таком возрасте подросткам много чего недостает, зато они без слов сразу понимают друг друга, в какой передрыге ни оказались бы. С того дня мы перестали слоняться по пристройке, коротая время обеда. А курили в компании школьных хулиганов, стоя чуть особняком. Если заваруха какая — ну там, директор или преподаватели пройдут, — то не беда: хулиганы все на виду, нам же смяться проще простого.

Не помню, сколько так длилось, но ближе к выпускному мы набрались смелости, чтобы вспомнить тот раз, отчего по спине сразу пробежал холодок. И решили напоследок еще раз сходить в корпус для занятий естественными науками. На сей раз даже издалека нам показалось, что с этим зданием не все так просто, хотя раньше мы ничего эдакого не замечали. Не то чтобы оно какое-то мрачное, тут драматизировать излишне, но все-таки ощущалась какая-то особая аура, совсем другая.

— Да ладно тебе, какая на хрен аура? Просто мы тогда перебрали с выпивкой.

ПРОЛОГ

Мой одноклассник смачно сплюнул.

— Ну как знаешь. Присмотрись.

И я показал на здание.

Раз, два, три.

Снаружи видно, что в корпусе три этажа. Но что-то не давало мне покоя. Хотя я и трусоват, меня так и подталкивало, любопытство одолевало.

— А знаешь что? Почему бы нам не проверить все еще раз? Сейчас мы ведь трезвы как стеклышко, и если опять собьемся со счета, значит, и вправду что-то там неладное.

Мой друг с ухмылкой посмотрел на меня как на придурка.

— Ну ты и болван. Пойдем посмотрим, чего бояться-то. Ржачно, как ты поджал хвост.

Ну да, в юном возрасте кажется, что можно все, хоть вареные яйца вместе со скорлупой поглощать.

Выпятив грудь колесом, мы зашагали к зданию. А я еще с храбрым видом сделал глубокий выдох. Друг шел впереди, и я отлично помню, как он оглянулся, улыбнувшись мне. Когда такое вокруг, жди какой-нибудь беды. В душе я все проклинал, нервы были накалены до предела. По канонам голливудского кино однокласснику грозило согнуться первым.

Только спустя много лет до меня наконец дошло, что означала его улыбка. Совсем не то, о чем я тогда подумал. Мне казалось, что здание корпуса скрывает некую тайну, но выяснилось, что и на загадку не тянуло. Если

ЦЗЯН ТАЙ-ЮЙ. ОККУЛЬТРИЕЛТОР

серьезно, это был всего лишь намек на будущие события, едва опознаваемая, словно тонкая нить, подсказка. Понятное дело, я ни о чем не подозревал.

Угадайте-ка, сколько в том здании было этажей? Догадаться нетрудно.

Четыре.

ГЛАВА 1

С ЧЕГО ВСЕ НАЧАЛОСЬ

КТО ТАМ НА КУХНЕ?

С этим жилым комплексом не все так просто. Когда улицу Данэн начинали отстраивать, то расхваливали, что здесь будет нечто вроде «маленького Тяньму» — престижный тайбэйский микрорайон, утопающий в зелени, до оживленных торговых улиц рукой подать. Но не роскошный, чтобы в уныние не впасть. Как раз в ту пору в моей жизни начался новый период: окончив университет и отслужив в армии, я поспел аккуратно к финансовому кризису — «Леман Бразерс» обанкротились, работу было не найти. Хотелось плюнуть на всё и податься, как все, в магистратуру, еще поучиться.

Но затем я передумал и открыл в этом микрорайоне, недалеко от улицы Данэн, свое дело. Стал торговать на тамошнем рынке рисовыми колобками на завтрак. Только онигири и соевое молоко из напитков. Место нашлось на самом краю рынка — вполне заметное, напротив другой улицы, что поменьше. Как тайваньцы говорят, на злом перепутье.

Правда, считается, что злое перепутье не годится для жилья. А вот почему это плохо, я тогда и ведасть не ведал. Зато когда решил арендовать ту самую точку на рынке, тетушка мне сказала, что торговля раскручивается именно на злом перепутье, и чем оно заверченнее, тем лучше пойдет торговля. Думаю, выбери я перепутье с улицей Синьи в Тайбэе, непременно разбогател бы.

Много времени спустя я как-то невзначай рассказал об этом Бу, и она открыла мне секрет: оказывается, не все перепутья одинаково хороши для торговли. Мой ларек закрылся в сентябре, через год. В этом месяце наступает мертвый сезон в секторе инь-цзя, где и находилась моя точка, потому она и схлопнулась — если так можно сказать, по замечательно неудачному стечению обстоятельств.

А вот улица Данэн вся у тигра под боком, за горой как за каменной стеной, только перед ней был обрыв. Там ветер кружил и не прекращался, трава не росла. Издалека казалось, словно тигр притаился. И все бы было ничего, в порядке, как у других живших на этой улице людей. Но здесь другое случилось: будто два тигра уселись один напротив другого, соперничают — как еще говорят, над местом нависли тигриные глаза, а это все не к добру.

Кошмарнее расположения, чем у этого жилого комплекса, не придумаешь.

У тигра под боком вода собирается, а со стороны дракона солнце не светит.

И какой болван это спроектировал?! Двор у главного входа засадили софорой, а деревья эти создают тень.

А еще речка с южной стороны, она тоже темное начало являет. (К северу от горы, к югу от воды — темное инь, а к югу от горы, к северу от воды — светлое ян.) В итоге и получилось: «Белый тигр затаил в пасти покойника».

Когда я торговал завтраками, ко мне приходило немало клиентов из тех домов. Сейчас все так легко найти в интернете, поэтому не стану раскрывать, что это за место, лучше придумаю другое название. Пусть будет жилой комплекс «Сверхдержжава». Само собой, в те годы я не разбирался в различных тонкостях, кто и что делает: «Черная черепаха отталкивает покойника» или «Белый тигр затаил в пасти покойника». Тогда меня волновало только одно: встать в три часа ночи и сделать заготовки для рисовых колобков. Это было так напряжно. Да и красотки, как назло, завтракать не любят. Особенно такими крупными колобками, как у меня.

Я торговал завтраками уже полгода, когда случилось одно убийство, шокировавшее всех.

На парковке «Сверхдержжавы» зверски разделались со школьной учительницей. Труп бросили прямо в водяной резервуар этого дома. Убийце досталось всего-навсего пятьдесят восемь новых тайваньских долларов.

По новостям про это убийство еще как шумели. Бывало, покупатели, приходившие за рисовыми колобками, обсуждали случившееся, а коллеги учительницы поговаривали, что последнее время она выглядела усталой. Они беспокоились о ее здоровье, но никому и в голову не могло прийти, что случится такое. Мне тоже было ее жаль. Есть же еще столь жуткие люди, которые готовы

прикончить человека из-за каких-то жалких пятидесяти восьми новых тайваньских долларов?! И что только в голове убийцы творится?!

Правда, скоро верх взяла рутина, смысла происшествие из памяти. Причем начисто. Прошло где-то полгода, и мой ларек с рисовыми колобками пришлось прикрыть. Причина банальная: торговец из меня получился так себе, расходы с доходами не сошлись. И когда моя мечта стать хозяином собственного дела рассыпалась в прах, я словно бы погрузился в пьяный сон. Помнится, неделю-другую провел точно в тумане, ежедневно покупал пиво и напивался дома до одури. Удалось немного забыться, когда утратил ощущение времени.

Но долго эти классные деньки не продлились, потому что деньги на выпивку у меня закончились. Но у всякого следствия есть причина. Так, хозяин из меня никудышный — это раз, отчего лавочка и обанкротилась — это два, и поэтому я начал пить. И именно потому, что стал вести такую жизнь, мне пришлось встряхнуться и приступить к поискам работы, чтобы прокормить себя. Волей-неволей придется признать, что, оказавшись в паршивой ситуации, опустившись на дно, начинаешь как-то особенно легко верить в разный бред, во всякие необъяснимые явления. В тот день я решил, что больше так жить нельзя, напялил более-менее приличное белое поло и отправился в родительский дом.

Когда тебя побили в драке, то пойти за помощью к родителям нормально. На этот раз меня побила жизнь.

Тут надо бы сказать о том, что собой представляет родительский дом. Это таунхаус в спальном микрорай-

оне. На первом этаже гостиная, столовая с кухней, а на втором — маленькая комната в японском духе и спальня родителей. Моя комната на третьем этаже.

Переступив порог, я сразу услышал голос мамы на кухне, то ли готовившей ужин, то ли мывшей посуду. И прокричал: «Привет, я дома!» Мне послышалось, как мама велела мне идти мыть руки и садиться за стол. Конечно, на это и был расчет: накануне я позвонил и предупредил, что вернусь домой где-нибудь к ужину, так чтобы можно было заодно и поесть. Передо мной мелькнул мамин силуэт на кухне. Я послушно вошел в ванную, на ходу пробурчав: «Где мыло?» — что было не слишком вежливо. И почти в ту же секунду, как прозвучал последний гласный, все доносящиеся с кухни звуки — льющейся воды, горячей газовой конфорки, работающей вытяжки — разом стихли.

Чувство столь же неприятное, как удушье при выдохе. Правда, в детстве со мной случалось всякое, мне не привыкать, так что я не придавал этому значения и подумал, что пора идти к столу, да и в желудке уже урчало.

Хотя происходило нечто странное, я все-таки открыл дверь ванной и почти в тот же миг увидел, как мама входит в дом с улицы. Эта сцена запечатлелась в памяти, словно снятая на камеру. Как бы получше объяснить? Когда я отворил дверь ванной, мой взгляд сосредоточился на дверной ручке входной двери, находившейся слева от меня. И в ту самую секунду, когда дверь приоткрылась, металлическая ручка повернулась — из горизонтальной фиксации на девяносто градусов вниз. Я на-

блюдал, как ручка медленно поворачивается, переходя в вертикальное положение.

А потом вошла мама.

— Так рано вернулся. — Мама закрыла дверь, и дальше все происходило как в замедленной съемке. — Иди вымой руки и садись за стол.

Потом мама подошла к столу в гостиной, выложила пластиковые контейнеры с разной едой, от которой потянуло обалденным ароматом.

В это время я уже вышел из ванной, интуитивно повернув голову направо, в сторону кухни. Но там никого не было. Потерев виски, сказал себе: «Черт, еще раз столько выпью — точно свалюсь где-нибудь на улице».

Но не стал ничего говорить маме. Не рассказал ей, что видел, будто она готовила ужин на кухне, а не ходила за нашей любимой едой навывнос. Я не боялся напугать ее, просто она могла решить, что у меня появились дурные привычки, я слетел с катушек или что-нибудь вроде того.

Мама в тот день вела себя как всегда: без излишних расспросов про мое жите-бытье. Бывало, она осыпала меня замечаниями, а когда я пытался отвечать, перебывала, да еще одаривала своими нравоучениями по любому поводу. В тот вечер все было как раньше, когда я приходил из школы, а мама после работы не успевала приготовить ужин и покупала что-нибудь по дороге.

Только когда мы поели и убрали со стола, мама сунула мне конверт с деньгами. Сказала, они мне пригодятся, могу вернуть их, когда заработаю. Я крепко сжал конверт и почувствовал, словно на переносицу нацепи-

ли бельевую прищепку, в глазах так же заныло и защи-пало.

— Вот думаю риелтором устроиться. Там первые три месяца зарплата сорок пять тысяч, как получу — сразу тебе верну.

Я опустил голову. В моем возрасте брать деньги у матери — со стыда стореть можно.

Мама улыбнулась:

— А помнишь, как раньше я брала тебя с собой на работу, ездили смотреть квартиры и земельные участки?

От маминой улыбки на душе сразу полегчало.

Ладно, я только пытаюсь стать риелтором, всему придется учиться с нуля. Вот мама — другое дело, у нее лицензия нотариуса есть, хоть и получила она ее в сорок пять лет: взяла и сдала экзамен.

Когда я был маленький, она часто брала меня с собой, объезжая на скутере улицы и переулки и расклеивая объявления на столбах. Клей для объявлений она варила сама, а потом оставляла ведро с густой массой, которая почти сразу же начинала ужасно вонять. Мама наверняка подумала, что я пойду по семейным стопам.

Трудно сказать, почему это время почти не сохранилось в памяти, едва всплыло только то, что мама возила меня с собой на скутере, когда я учился в младшей школе.

Память у меня вообще-то прекрасная — и сейчас легко назову имена одноклассников. Иногда могу перечислить, какие уроки были в определенный день и какой марки газировка стояла на парте у того или иного одноклассника. Но вот то, что мама брала меня смотреть квартиры и земельные участки, едва помню, без подроб-

ностей, словно кинолентку с этими эпизодами кто-то специально смял, да еще изо всех сил, и эти картины сморщились. Не то чтобы оказались размыты цвета или очертания, все буквально сжалось. Не знаю, поймет ли кто-нибудь, что я имею в виду.

— Помню, конечно же.

Я не соврал, тот период жизни все же не исчез из памяти бесследно, но сохранился без деталей.

Мама, довольно улыбаясь, сходила наверх и принесла из японской комнаты несколько тетрадок с красными и синими обложками. Это были инструкции по кадастровому учету и ведению сделок по купле-продаже.

— А в какое агентство хочешь устроиться? — вручая мне эти тетрадки, радостно спросила мама.

— Риелторское агентство «Жэньай» на улице Данэн, — ответил я, перелистывая страницы.

Лицо мамы вдруг помрачнело, она хотела что-то сказать, но осеклась. Заметил я это, разумеется, только когда поднял глаза после повисшей паузы.

— А что такое?

Я положил тетрадки.

— Помнишь, как я тебя возила, когда объезжала клиентов на улице Данэн?

— Ну... Вроде как помню.

Хотя мои воспоминания были весьма туманными.

— Ты тогда еще слишком маленьким был, наверное... — Мама вздохнула. — Ну ладно. — Она похлопала меня по плечу. — Успехов в работе, не падай духом.

Я засмеялся, ничего не ответив. В кармане у меня лежал достаточно увесистый конверт.

ГЛАВА 1. С ЧЕГО ВСЕ НАЧАЛОСЬ

На обратном пути перед моими глазами вдруг предстала та самая картина. Такая четкая, точно утюгом прошлись.

Трудно объяснить испытанное мной чувство. Его невозможно описать. Это как если бы... Раз! И картинка в ту же секунду разгладилась, и изображение стало совершенно отчетливым. Много чего всплыло в памяти и прояснилось, будто кто-то нажал на кнопку «Повтор».

Местность в районе улицы Данэн необычная. Сама улица Данэн, улица Дациянь и проезд Чунье проложены параллельно. Но из-за соседства с горой Дациянь находится ниже Данэн. А проезд Чунье еще ниже. Оттуда, где улица Данэн ведет к горе, открывается вид на необозримое кладбище, которое у нас называют ночным клубом. В детстве, проходя мимо, я даже глаза боялся открыть, такая меня оторопь брала.

А теперь там всё плотно-плотно застроено домами.
Вот там наше риелторское агентство и находится.